
АННА ВЕРДЕРИ
Не смотри на меня
СЕУЛ. МУЗЫКА. И ТЫ...
18+

Анна Вердери

Не смотри на меня

«Автор»
2026

Вердери А.

Не смотри на меня / А. Вердери — «Автор», 2026

НЕ СМОТРИ НА МЕНЯСеул. Музыка. И тыПереезд в Сеул должен был стать для Ники Орловой началом новой жизни. Новая работа в музыкальном агентстве, незнакомый город и возможность построить карьеру — всё, о чём она мечтала.Но знакомство с Кан Сиу, участником популярной группы AURORA, меняет её привычный мир.За сценическим образом талантливого музыканта скрывается человек, который привык держать окружающих на расстоянии. Ника не собиралась нарушать его личные границы, а Сиу не планировал впускать кого-то в свою жизнь.Однако рабочие встречи постепенно становятся чем-то большим. Между ними возникает притяжение, которому непросто противостоять.В мире, где каждый шаг артиста может стать достоянием публики, есть ли место настоящим чувствам? И сможет ли Сиу позволить кому-то увидеть себя настоящего?

© Вердери А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анна Вердери
Не смотри на меня

Глава 1

Самолёт приземлился, когда за иллюминатором уже показались огни аэропорта.

Я смотрела на них, пока колёса не коснулись полосы. В салоне раздались привычные звуки: кто-то облегчённо выдохнул, кто-то потянулся за телефоном, а через несколько секунд пассажиры начали расстёгивать ремни, хотя табло ещё не погасло.

Я не торопилась.

Сеул.

Странно было видеть название города на табло и понимать, что теперь это не просто точка на карте, не место из чужих рассказов и не направление для очередного отпуска. Здесь мне предстояло жить.

— Ну здравствуй, — тихо сказала я.

Самолёт продолжал катиться к терминалу. Город пока не спешил производить на меня впечатление, но, если честно, я и сама не знала, чего от него ждала.

Когда проход освободился, я достала с полки сумку, проверила документы и вышла вместе с остальными пассажирами.

В аэропорту пахло кофе, выпечкой и чистящими средствами. Над головой светились указатели на корейском и английском. Я без труда читала их и понимала объявления, но всё равно несколько раз сверилась с маршрутом. Не потому, что боялась заблудиться. Просто после долгого перелёта мне хотелось исключить хотя бы одну возможную ошибку.

На паспортном контроле всё прошло быстро. Несколько стандартных вопросов, проверка документов — и вот я уже стояла у багажной ленты.

Мой чемодан появился почти последним.

Я сняла его с ленты и проверила бирку.

— Отлично. Первое испытание пройдено, — пробормотала я.

Телефон завибрировал.

Мама.

«Ты уже прилетела? Как долетела? Напиши, когда доберёшься».

Я улыбнулась. За последние несколько дней мама задавала этот вопрос столько раз, что я могла бы отвечать на него с закрытыми глазами.

«Да, всё хорошо. Уже забрала багаж. Скоро поеду в квартиру».

Ответ пришёл почти сразу.

«И поешь нормально. Не одним кофе».

Я посмотрела на время. С последнего полноценного приёма пищи прошло достаточно часов, чтобы мама могла считать себя правой.

«Обязательно».

Обещание, конечно, было преждевременным.

До города я решила добираться на поезде. Такси после перелёта казалось заманчивым вариантом, но я заранее рассчитала расходы и не собиралась отступать от собственного плана в первый же день.

В вагоне было прохладно. Несколько человек смотрели в телефоны, девушка напротив дремала, прислонившись к окну. Я поставила чемодан рядом и открыла карту.

Две пересадки. Потом несколько минут пешком.

Всё просто.

По крайней мере, на экране.

За окном постепенно менялся пейзаж. Аэропорт остался позади, за ним потянулись дороги, технические здания, жилые кварталы. Чем ближе мы подъезжали к центру, тем плотнее становилась застройка. На фасадах мелькали вывески, между домами тянулись провода, над дорогами поднимались эстакады.

Я пыталась рассмотреть всё сразу, но быстро поняла, что это бесполезно. Город был слишком большим, чтобы уместиться в несколько взглядов из окна поезда.

В Петербурге я знала, куда идти, даже если телефон разряжался. Здесь же проверяла маршрут при каждом переходе, хотя прекрасно понимала, что не заблужусь, если немного сверну не туда.

Наверное, дело было не в дороге.

Я просто ещё не привыкла к мысли, что теперь должна ориентироваться здесь сама.

Последний участок пути оказался самым утомительным. Лестница, переход, улица с небольшим уклоном. Чемодан цеплялся колёсами за стыки плитки, а ручка неприятно давила на ладонь.

Когда я наконец поднялась наверх, то остановилась, чтобы перевести дыхание.

Улица выглядела совершенно обыкновенной. Невысокие дома, вывески магазинов, припаркованные скутеры, небольшое кафе на углу. По тротуару прошли две женщины с пакетами из супермаркета. Из открытой двери магазина доносилась музыка.

Никакой кинематографичной панорамы. Никаких впечатляющих небоскрёбов.

И хорошо.

Я не искала квартиру с видом на весь Сеул. Мне нужно было место, где можно спокойно работать, спать и постепенно привыкать к новой жизни. Желательно без необходимости каждый день преодолевать полгорода ради чашки кофе или покупки продуктов.

Дом оказался чуть дальше, чем показывала карта. Я ещё раз сверила номер и достала ключи.

Замок поддался не сразу.

Я повернула ключ в одну сторону, затем в другую, попробовала ещё раз.

— Только не начинай, — предупредила я дверь.

Наконец она открылась.

Внутри пахло свежей краской и закрытым помещением. Я поставила чемодан у стены и осмотрелась.

Квартира была небольшой: прихожая, совмещённая кухня и комната, отдельная ванная. У окна стоял компактный стол, рядом находилась кровать с аккуратно застеленным покрывалом. В углу помещался шкаф, на кухонной полке уже стояли несколько тарелок и чашек.

Ничего лишнего. Всё необходимое на месте.

Я прошлась по комнатам, проверила краны, включила свет, заглянула в холодильник. Потом открыла шкаф и убедилась, что мои вещи действительно поместятся.

Привычка проверять всё сразу иногда раздражала даже меня саму. Но однажды она избавила меня от нескольких часов разбирательств с арендодателем, поэтому избавляться от неё я не собиралась.

Я открыла окно.

В комнату проник городской шум: голоса прохожих, проезжающая машина, короткий сигнал светофора. Где-то неподалёку разговаривали две женщины. Я разобрала несколько фраз и невольно улыбнулась.

Вот теперь я действительно была в Корее.

Я достала телефон и позвонила маме.

— Ну наконец-то! — услышала я вместо приветствия. — Ты добралась?

— Да. Уже в квартире.

— Покажи.

Я прошлась с телефоном по комнате, демонстрируя маме кухню, кровать и окно.

— Небольшая, — заметила она.

— Зато своя. На первое время вполне.

— А район?

— Пока осваиваюсь. Рядом есть магазин, кафе и станция метро. Всё необходимое.

— Ты хоть поела?

Я посмотрела на чемодан, который всё ещё стоял посреди комнаты.

— Мам, я только приехала.

— Это не ответ.

— Сейчас схожу за продуктами и поужинаю.

Она вздохнула. Я уже знала этот вздох: в нём помещались все возможные предостережения, которые мама решила пока не произносить.

— Ладно. Позвони завтра после работы.

— Позвоню.

Мы ещё немного поговорили, после чего я убрала телефон.

В квартире снова стало тихо.

Разбирать вещи оказалось приятнее, чем я ожидала.

Я достала косметичку, зарядные устройства, несколько книг, папку с документами и одежду. Каждой вещи нужно было найти своё место, и постепенно комната переставала выглядеть временным пристанищем.

Последней из чемодана появилась небольшая фотография Петербурга. Серый город после дождя: мокрая мостовая, фасады старых домов и кусочек неба над крышами.

Я поставила её на стол.

Не потому, что боялась забыть, откуда приехала. Просто мне хотелось, чтобы в этой незнакомой комнате было что-то своё.

Когда с вещами было покончено, я приняла душ, переоделась и отправилась искать ужин.

На улице уже начинало темнеть. Вывески магазинов и кафе загорались одна за другой. Я прошла мимо небольшого супермаркета, заглянула в витрину пекарни и остановилась возле кафе, которое заметила ещё днём.

Внутри было тепло. Пахло бульоном, жареным луком и специями. За несколькими столиками сидели посетители, а у стойки работала женщина средних лет.

Она поприветствовала меня по-корейски.

— Здравствуйте. Что будете заказывать?

Я посмотрела на меню, прикреплённое к стене.

— Кимчиччиге, пожалуйста.

— Острое?

— Да, можно.

Женщина кивнула и назвала цену.

Я расплатилась и выбрала свободный столик.

Через несколько минут передо мной поставили горячую миску, рис и несколько небольших тарелок с закусками. Я взяла ложку и попробовала бульон.

Острый. Горячий. Именно то, что нужно.

За соседним столиком двое мужчин обсуждали работу. Один жаловался на начальника, второй смеялся. Их разговор был настолько обычным, что я поймала себя на странной мысли: именно этого мне и не хватало.

Не туристических впечатлений, не красивых видов и не ощущения, будто я попала в совершенно другой мир.

Обычной жизни.

Мне хотелось ходить в знакомый магазин, узнавать продавцов, выбирать любимое кафе и однажды перестать проверять дорогу до дома. Хотелось, чтобы Сеул стал не городом, в который я приехала, а городом, в котором живу.

Я закончила ужин, поблагодарила хозяйку и вышла на улицу.

В супермаркете купила воду, яйца, хлеб и несколько продуктов на завтрак. На кассе автоматически ответила на вопрос продавца, нужен ли пакет, и только после этого поняла, что впервые за день не задумалась над каждой фразой заранее.

Мелочь, но приятная.

Дома я поставила покупки на кухонную полку и проверила телефон.

На рабочую почту пришло новое сообщение. Представитель компании подтверждал время и адрес встречи на следующий день. Остальные подробности обещали объяснить лично.

Я перечитала письмо дважды, сверила адрес с картой и сохранила маршрут.

Завтра всё начнётся по-настоящему.

До этого момента переезд состоял из подготовительных действий: документы, билеты, жильё, переписка, договорённости. Теперь за ними появлялись конкретные люди, обязанности и ожидания.

Я закрыла почту и положила телефон на стол.

Потом подошла к окну.

Сеул светился тысячами огней. Между домами двигались машины, на перекрёстке сменялись сигналы светофора, а вывески магазинов и кафе отражались в стёклах соседних зданий. Город не собирался останавливаться ради моего приезда. У него были свои дела, свои маршруты и свои планы на завтрашний день.

Мне предстояло найти в этой жизни место для себя.

Я не знала, каким окажется следующий день. Не знала, насколько сложной будет новая работа и сколько времени понадобится, чтобы перестать сверяться с картой на каждом повороте.

Но я знала, зачем приехала.

Я хотела попробовать начать всё заново. Не сбежать от прежней жизни и не перечеркнуть её, а проверить, на что способна, если перестану выбирать только знакомые маршруты.

За окном проехал автобус. Его свет на мгновение скользнул по стене и исчез.

Я выключила лампу.

Завтра мне предстояло познакомиться с новой работой.

А сегодня я просто была в Сеуле.

Глава 2

Утром я проснулась раньше будильника.

Несколько секунд лежала неподвижно, глядя на незнакомый потолок, и пыталась понять, что именно меня разбудило. За окном шумели машины, где-то во дворе разговаривали люди, а из соседней квартиры доносился приглушённый звук телевизора.

Потом я вспомнила.

Сеул. Новая квартира. Новая работа.

Я потянулась за телефоном. До будильника оставалось двадцать минут.

— Отлично, — пробормотала я. — Значит, сегодня я хотя бы не опоздаю.

Вчера вечером я несколько раз проверяла адрес офиса, маршрут и время в пути. Привычка, от которой я не собиралась избавляться даже после переезда в другую страну. Особенно после переезда в другую страну.

На кухонном столе лежали документы, которые я приготовила с вечера: паспорт, копия договора, банковские реквизиты и распечатка с адресом агентства. Рядом стояла чашка с недопитым чаем.

Я позавтракала, ещё раз проверила сумку и вышла из квартиры.

Утренний город оказался совсем не таким, каким я увидела его накануне. Вчера Сеул встретил меня огнями и бесконечным движением, сегодня — спешащими прохожими, открывающимися кофейнями и людьми, которые, казалось, точно знали, куда направляются.

Я пока только делала вид.

До нужной станции добралась без приключений. Поезд пришёл быстро, и вскоре я уже стояла на платформе, разглядывая названия остановок на экране. Несколько раз сверилась с картой, хотя маршрут помнила почти наизусть.

Агентство находилось в современном офисном здании. Стеклянный фасад отражал утреннее солнце, а у входа стояли несколько человек с кофе в руках. Я остановилась перед дверями, проверила адрес на телефоне и только после этого вошла.

Внутри было прохладно. За стойкой регистрации сидела девушка в светлой блузке.

— Здравствуйте. Чем могу помочь?

— Доброе утро. Меня зовут Ника Орлова. Сегодня мой первый рабочий день. Я должна встретиться с сотрудником отдела кадров.

Девушка быстро проверила что-то в компьютере и улыбнулась.

— Да, вас ожидают. Поднимитесь на шестой этаж. Там вас встретят.

Я поблагодарила её и направилась к лифтам.

В зеркальных дверях успела заметить собственное отражение: светлая рубашка, тёмные брюки, аккуратно собранные волосы. Ничего особенного, но выглядела я достаточно уверенно.

По крайней мере, внешне.

На шестом этаже меня встретила женщина лет тридцати пяти. Она представилась госпожой Ким и проводила в небольшую переговорную.

— Рада наконец познакомиться лично, — сказала она, предложив мне сесть. — Мы довольно долго общались по видеосвязи, но это всё-таки не то же самое.

— Взаимно. Спасибо, что помогли организовать переезд и оформление документов.

— Надеюсь, дорога прошла хорошо?

— Да. Немного устала, но уже успела освоиться.

Госпожа Ким улыбнулась и открыла лежавшую перед ней папку.

— Тогда начнём. Часть документов вы уже подписали дистанционно, но нам нужно оформить несколько оригиналов. Заодно я расскажу о внутреннем распорядке и познакомлю вас с руководителем отдела.

Следующие полчаса прошли за бумагами, подписями и уточнениями. Я внимательно читала каждый пункт, прежде чем ставить подпись. Госпожа Ким, кажется, ожидала этого: она спокойно отвечала на вопросы и не пыталась торопить меня.

После оформления она передала мне пропуск.

— Теперь вы официально в нашей команде.

Я посмотрела на карточку с фотографией и своим именем. Странное ощущение. Ещё недавно всё это существовало только в письмах, документах и разговорах по видеосвязи. Теперь у меня был настоящий пропуск, рабочий адрес и кабинет, в который предстояло приходить каждое утро.

— Спасибо.

— Пойдёмте. Вас уже ждут.

Мы вышли из переговорной и прошли по коридору. За стеклянными перегородками виднелись рабочие места, небольшие комнаты для совещаний и студии, двери которых были закрыты. Люди сидели за компьютерами, обсуждали что-то у экранов, ходили с папками и планшетами.

Обычный рабочий день.

И всё же здесь было что-то непривычное. На стенах висели афиши артистов агентства, фотографии с концертов и несколько наград. В одном из коридоров стояла большая панель с изображениями музыкальных проектов компании.

Я невольно задержала взгляд на ней.

— Здесь представлены основные артисты агентства, — заметила госпожа Ким. — Со временем вы со всеми познакомитесь.

— Думаю, мне понадобится время, чтобы запомнить всех.

— Это нормально. У нас довольно много сотрудников, а проектов ещё больше.

Она остановилась у двери с табличкой международного отдела и открыла её.

Помещение оказалось просторнее, чем я ожидала. Несколько рабочих столов, длинный общий стол у окна, стеллажи с папками и отдельная небольшая переговорная за стеклянной перегородкой.

Из-за монитора поднялась девушка с короткими тёмными волосами.

— Это Ника, о которой я рассказывала, — представила меня госпожа Ким. — Она присоединяется к нашей команде.

— Наконец-то! — Девушка улыбнулась и подошла ближе. — Я Пак Соён, старший редактор международного отдела. Будем работать вместе.

— Очень приятно.

— Надеюсь, ты успела отдохнуть после переезда?

— Достаточно, чтобы сегодня не заснуть на первом совещании.

Соён рассмеялась.

— Тогда у нас уже есть кое-что общее. Иногда я сама с трудом выдерживаю утренние встречи.

Госпожа Ким оставила нас и вернулась к своим делам. Соён показала мне свободное рабочее место, объяснила, где находятся общие документы, как пользоваться внутренней системой и к кому обращаться по техническим вопросам.

На столе уже стоял компьютер, лежали блокнот и несколько распечаток.

— Пока не пугайся количества материалов, — предупредила Соён, заметив мой взгляд на папку. — Это не всё для тебя. Просто я решила подготовить то, с чего мы начнём.

— Звучит обнадёживающе.

— Так и задумано.

Она включила монитор и открыла внутреннюю платформу агентства.

— Давай сначала разберёмся с твоими обязанностями. Ты будешь работать с международным контентом: английские и русские версии материалов, адаптация текстов для зарубежных площадок, проверка переводов, согласование формулировок с другими отделами. Иногда придётся заниматься субтитрами, иногда — пресс-релизами и информацией для партнёров.

— То есть не просто переводить готовый текст.

— Именно. Нам нужен человек, который понимает разницу между переводом и адаптацией. Дословно правильный текст не всегда звучит естественно для аудитории, которая его читает. Но и менять смысл ради красивой формулировки нельзя.

— С этим я согласна.

— Вот поэтому мы и выбрали тебя.

Я открыла блокнот и записала несколько пунктов.

— А как будет строиться работа? Я получаю готовый материал и возвращаю отредактированную версию?

— В основном да. Но всё зависит от проекта. Иногда мы подключаемся ещё на этапе подготовки. Тогда приходится обсуждать формулировки с авторами, менеджерами и музыкальной командой.

— Понятно.

Соён несколько раз щёлкнула мышью, и на экране появилась папка с названием нового проекта.

AURORA — NEW ALBUM.

— Вот с этого мы и начнём.

Я посмотрела на экран.

Название группы было мне знакомо. За последние недели я успела прочитать о ней достаточно, чтобы понимать: AURORA — один из самых заметных музыкальных проектов агентства. Несколько успешных релизов, концерты, активная аудитория за пределами Кореи.

Но подробностей я пока не знала.

— Новый альбом? — уточнила я.

— Да. Группа готовит следующий релиз. Работа уже идёт, и сейчас мы постепенно подключаем международный отдел.

Соён открыла презентацию.

На первом слайде были фотографии группы, логотип и краткая информация о предстоящем проекте. Дальше шли рабочие разделы: концепция альбома, целевая аудитория, предварительный график публикаций, материалы для зарубежных платформ.

— На этом этапе нам важно привести в порядок базовые тексты, — продолжила она. — Биографии участников, описание группы, общую информацию о релизах. Часть материалов давно не обновлялась. Некоторые переводы делались в спешке, другие готовились для конкретных мероприятий и теперь не подходят для нового проекта.

— А что именно будет входить в мою работу?

— Сначала ознакомишься с существующими версиями. Сравнишь их с корейскими оригиналами, отметишь расхождения и предложишь исправления. Ничего не публикуем без согласования, так что не нужно пытаться переделать всё за один день.

— Хорошо.

— Ещё одна задача — подготовить единый стиль для международных материалов. Сейчас тексты для разных площадок немного отличаются. Где-то слишком официальные формулировки, где-то, наоборот, чрезмерно разговорные. Нужно, чтобы у группы был узнаваемый голос, независимо от языка и платформы.

Я перелистнула несколько страниц презентации.

Всё выглядело вполне привычно: таблицы, версии текстов, комментарии редакторов, пометки о согласовании. Именно такая работа мне нравилась. Не эффектная, не всегда заметная со стороны, но требующая внимания к деталям.

— Есть утверждённый редакционный стандарт? — спросила я.

— Есть общий документ, но его давно пора пересмотреть. Я пришлю тебе актуальную версию. Если заметишь противоречия, отмечай. Только сначала обсуди их со мной.

— Конечно.

— И ещё. В проекте будет много людей. Музыкальный отдел, менеджмент группы, отдел продвижения, дизайнеры. Не все вопросы можно решить самостоятельно. Если что-то касается содержания песен или авторских комментариев, не вноси изменения без подтверждения.

— Я так и работаю.

Соён кивнула, словно именно такой ответ и ожидала.

— Отлично. Тогда сегодня просто познакомься с материалами. Завтра обсудим первые замечания.

Она отправила мне ссылку на внутреннюю папку и оставила за рабочим столом.

Я открыла документы.

Первым шёл общий профиль AURORA. Затем — история группы, описание предыдущих релизов и несколько вариантов биографий участников. В некоторых файлах были комментарии на полях, в других — правки, которые так и не перенесли в итоговую версию.

Я начала с самого простого: открыла корейский оригинал и английский перевод рядом.

Через несколько минут стало понятно, почему Соён назвала эти материалы устаревшими.

В одном тексте группа описывалась как коллектив, который «стремится найти собственное звучание». Формулировка была вполне уместна несколько лет назад, но теперь выглядела так, будто её участники всё ещё только начинали карьеру.

В другом переводе название одного из релизов было передано по-разному в двух соседних абзацах.

Я добавила комментарий и перешла к следующему файлу.

Работа постепенно захватила меня. Я проверяла формулировки, сверяла даты, отмечала расхождения и составляла список вопросов. В какой-то момент перестала замечать разговоры вокруг.

— Ника?

Я подняла голову.

Рядом стояла Соён с двумя стаканами кофе.

— Перерыв. Ты уже почти два часа не отрываешься от экрана.

Я посмотрела на часы.

— Не заметила.

— Это хорошо для работы, но плохо для шеи. Держи.

Она поставила один стакан рядом с моей клавиатурой.

— Спасибо.

— Как первые впечатления?

— Материалов много. Но есть с чего начать.

— Уже нашла проблемы?

— Несколько. В основном старые формулировки и несогласованные версии. Пока ничего критичного.

— Вот и прекрасно. Нам не нужно устраивать революцию в первый же день.

— Я постараюсь сдержаться.

Соён улыбнулась и присела на край соседнего стола.

— Кстати, у тебя будет возможность познакомиться с другими отделами на следующей неделе. Сейчас команда альбома работает отдельно, но международный отдел постепенно подключается к подготовке.

— Будут общие встречи?

— Да. Не каждый день, конечно. Но некоторые вопросы проще решать лично, чем обмениваться бесконечными письмами.

— Логично.

— Участники группы тоже будут появляться на согласованиях, когда понадобится их мнение. Особенно если речь идёт о личных комментариях или текстах, которые должны звучать от их имени.

Я кивнула и сделала глоток кофе.

— Понятно.

На этом разговор закончился. Соён вернулась к своему столу, а я снова открыла документы.

Ближе к обеду мне прислали доступ к дополнительному архиву. Там находились старые пресс-релизы, интервью и материалы, подготовленные для зарубежных мероприятий. Я начала просматривать их, чтобы лучше понять, как группа представляла себя аудитории раньше и какие изменения произошли за последние годы.

Среди файлов попадались разные версии одних и тех же текстов. Некоторые отличались всего парой предложений, другие были переписаны почти полностью.

Я создала отдельную таблицу, чтобы не потерять замечания.

В первой колонке указала название документа, во второй — проблему, в третьей — предлагаемое решение. Четвёртую оставила для комментариев ответственного отдела.

Когда Соён заглянула ко мне в очередной раз, таблица уже занимала несколько страниц.

— Ты быстро работаешь.

— Я пока только собираю вопросы. Исправления займут больше времени.

— Хороший подход. Не торопись. Нам важнее точность.

После обеда мы ненадолго собрались в переговорной. Соён познакомила меня с сотрудниками отдела, рассказала, кто за что отвечает, и объяснила, как будет проходить согласование материалов.

Никаких громких речей и торжественных приветствий. Просто рабочая встреча, на которой каждый получил свои задачи.

Я слушала, записывала имена и старалась запомнить, к кому обращаться по конкретным вопросам.

Когда встреча закончилась, мне передали первый небольшой материал для проверки — короткое описание группы для международной страницы агентства.

Я прочитала корейскую версию, затем английскую. Текст был неплохим, но слишком общим. В нём перечислялись достижения, однако почти ничего не говорилось о том, чем AURORA отличалась от других групп.

Я не стала переписывать его сразу. Сначала оставила комментарии и отправила Соён на проверку.

Ответ пришёл через несколько минут.

«Хорошо замечено. Давай обсудим завтра».

Я перечитала сообщение и улыбнулась.

Кажется, первый рабочий день проходил лучше, чем я ожидала.

К концу дня глаза устали от экрана, а в блокноте накопилось достаточно заметок, чтобы занять меня ещё на несколько дней. Я сохранила документы, проверила, что все комментарии отправлены, и собрала вещи.

Соён всё ещё сидела за компьютером.

— Ты уже уходишь?

— Да. На сегодня, кажется, достаточно.

— Правильно. Завтра продолжим. И не забудь: если возникнут вопросы по проекту, пиши мне. Не нужно пытаться разобраться во всём самостоятельно.

— Договорились.

Я попрощалась с коллегами и вышла из офиса.

На улице уже начинало темнеть. Город снова загорался огнями, витрины отражали движение прохожих, а у входа в метро собирались люди, возвращавшиеся домой после рабочего дня.

Я достала телефон и посмотрела на сообщения.

Мама написала ещё днём:

«Ну как работа? Не слишком сложно?»

Я набрала ответ:

«Всё хорошо. Познакомилась с коллегами, получила первый проект. Пока разбираюсь с документами».

Через несколько секунд пришло новое сообщение:

«Главное, не забывай отдыхать и нормально есть».

Я усмехнулась.

«Постараюсь».

Уже в метро я снова вспомнила о презентации, которую сегодня просматривала. Новый альбом AURORA, международные материалы, согласования, десятки документов. Работа обещала быть напряжённой, но интересной.

Мне нравилось, что здесь от меня ждали не просто знания языков. Нужно было замечать то, что другие могли пропустить, задавать вопросы и понимать, какой смысл стоит за словами.

Наверное, именно поэтому я согласилась на эту работу.

Когда я добралась домой, в квартире было тихо. Я сняла обувь, поставила сумку у стены и первым делом включила чайник.

На столе всё ещё лежала фотография Петербурга. Я посмотрела на неё, затем на телефон с открытой рабочей почтой.

За один день Сеул стал немного менее чужим.

У меня появились знакомые лица, рабочее место и первая задача. Пока этого было достаточно.

Я сделала чай, открыла блокнот и ещё раз просмотрела список вопросов по проекту AURORA. Завтра предстояло обсудить их с Соён, а потом, вероятно, начнётся настоящая работа.

Я закрыла блокнот.

Первый день закончился.

И, кажется, я начинала привыкать к мысли, что теперь это моя жизнь.

Глава 3

К третьему рабочему дню я начала понемногу привыкать к агентству.

Уже не приходилось каждый раз проверять номер этажа и сверяться с указателями. Я запомнила, где находится наш отдел, научилась пользоваться внутренней системой и даже разобралась, в каком автомате кофе не заканчивается к обеду.

С последним, как выяснилось, здесь были серьёзные проблемы.

Утро началось с письма от Соён. Она прислала обновлённый список материалов по AURORA и попросила обратить особое внимание на личные профили участников. Часть текстов готовили несколько лет назад, и теперь их требовалось привести в соответствие с нынешним этапом карьеры группы.

Я открыла первый документ и принялась за работу.

Профиль Кан Сиу оказался одним из самых коротких. Несколько абзацев о музыкальной деятельности, авторских композициях и сценическом образе. Ничего необычного для официальной страницы артиста.

Но в английской версии меня смущали две формулировки.

В первой Сиу называли музыкантом, который «стремится найти собственный голос». Корейский оригинал говорил о другом: его музыкальный стиль уже сформировался, но продолжал развиваться.

Разница была тонкой, однако существенной. Англоязычный читатель мог решить, что речь идёт о начинающем исполнителе, который ещё не определился с направлением.

Во втором абзаце акцент смещался на коммерческий успех его авторских работ. В оригинале же говорилось о личном участии Сиу в создании музыки и внимании к деталям.

Я внесла предложения по обоим пунктам и отправила документ Соён.

Ответ пришёл почти сразу.

«Хорошие замечания. Сегодня в одиннадцать будет согласование с Сиу. Присутствуй, пожалуйста. Объяснишь свои правки».

Я перечитала сообщение.

До этого момента я работала с документами и коллегами. Встреча с одним из участников группы была уже немного другой историей.

Не потому, что я собиралась нервничать из-за известного артиста. Просто хотелось понимать, насколько далеко могут заходить наши редакторские предложения и кто в итоге принимает решения.

Я написала Соён, что буду.

В одиннадцать мы направились в переговорную на другом этаже.

— Не переживай, встреча обычная, — сказала Соён по дороге. — Обсудим несколько формулировок, внесём необходимые изменения и разойдёмся.

— Я не переживаю. Просто хочу заранее понимать, что именно нужно будет объяснять.

— Это хороший подход. Сиу внимательно относится к материалам, которые публикуют от его имени. Иногда замечает такие нюансы, которые остальные пропускают.

— Значит, скучно не будет.

— Скорее всего, — улыбнулась Соён.

В переговорной уже находились двое сотрудников. Мужчина представился Ли Чонхёном, менеджером AURORA. Женщина из музыкального отдела — госпожой Хан. Они поздоровались с нами, и Соён коротко объяснила, что я присоединилась к международной команде и подготовила предложения по обновлению профиля.

Мы заняли места у экрана.

— Сиу немного задерживается, — сообщил менеджер, посмотрев на телефон. — У него закончилась запись, сейчас подойдёт.

Я открыла ноутбук и вывела документ на экран.

Через несколько минут дверь переговорной открылась.

— Извините, пришлось задержаться.

В комнату вошёл мужчина в чёрной футболке и тёмной куртке. Тёмно-каштановые волосы слегка падали на лоб, а на лице читалась усталость после долгого утра. Он поздоровался с присутствующими, коротко обменялся несколькими словами с менеджером и занял свободное место напротив нас.

— Кан Сиу, — представил его Ли Чонхён, хотя это было излишне.

Я знала, кто передо мной.

За последние дни я успела посмотреть несколько выступлений AURORA и прочитать материалы о группе. На фотографиях Сиу выглядел иначе: собранный, с тщательно продуманным образом и уверенным взглядом в камеру.

Сейчас передо мной сидел обычный человек, который, судя по всему, хотел поскорее закончить рабочую встречу.

Его взгляд ненадолго остановился на мне.

— Новый сотрудник? — спросил он.

— Ника Орлова, международный отдел, — ответила Соён. — Она занимается редактурой материалов для зарубежных площадок.

— Понятно. Рад знакомству.

Он произнёс это вежливо, но без особой заинтересованности.

— Взаимно, — ответила я.

Госпожа Хан открыла презентацию.

Сначала обсудили несколько технических вопросов: даты релизов, названия композиций и актуальность информации. Сиу почти не вмешивался, лишь изредка уточнял детали. По его реакции было видно, что большую часть материалов он уже видел.

Наконец Соён перешла к личному профилю.

— Здесь есть несколько предложений от международного отдела. Ника подготовила их после сравнения корейского оригинала и английской версии. Думаю, лучше, если она сама объяснит изменения.

Я открыла нужный слайд.

— В первой части предлагается немного скорректировать описание вашего музыкального направления. Сейчас в английском тексте сказано, что вы стремитесь найти собственный голос. Но в оригинале речь идёт о развитии уже сформировавшегося звучания.

Сиу посмотрел на экран.

— А что именно не так с нынешней формулировкой?

— Она создаёт другое впечатление. В английском языке выражение *finding your voice* часто используют, когда говорят о поиске собственного стиля. Получается, что вы ещё не определились с музыкальным направлением.

— Но я действительно продолжаю искать что-то новое в музыке.

— Конечно. Только это не совсем то же самое, что искать себя как музыканта.

Он снова посмотрел на текст.

— И как вы предлагаете это исправить?

— Например, написать, что вы продолжаете развивать собственное звучание, экспериментируя с мелодией и аранжировками. Тогда мы сохраним идею движения вперёд, но не создадим впечатления, что вы только начинаете карьеру.

Сиу задумался.

— «Экспериментируя» звучит так, будто я постоянно меняю направление.

Я посмотрела на предложенную формулировку.

— Согласна. Можно убрать это слово.

— Тогда останется довольно общее описание.

— Это зависит от того, какие детали вы хотите подчеркнуть.

Он слегка наклонил голову.

— Например?

Я не стала торопиться с ответом.

— В корейском тексте есть упоминание о вашем внимании к мелодии и эмоциональной стороне композиций. Можно сохранить эту мысль. Но если для вас важнее работа с аранжировками или текстами, мы можем уточнить формулировку.

— Я не хочу, чтобы профиль звучал так, будто я занимаюсь только красивыми мелодиями.

— Тогда стоит добавить, что вы участвуете в создании музыкальной части композиций, а не ограничиваетесь вокальным исполнением.

Сиу посмотрел на меня внимательнее.

— Это уже ближе.

Соён внесла пометку в общий документ.

— Хорошо. Тогда оставим этот вариант как основу и уточним формулировку после встречи.

Я перешла ко второму замечанию.

— Ещё один момент касается авторских работ. В английской версии слишком сильно выделен коммерческий успех песен. Корейский оригинал больше говорит о вашем участии в создании музыки. Я бы предложила изменить акцент.

— Я не против упоминания успеха, — сказал Сиу. — Просто не хочу, чтобы складывалось впечатление, будто это главное, что меня интересует.

— Тогда можно оставить информацию о релизах в отдельном разделе, а здесь сосредоточиться на вашей работе над музыкой.

Он кивнул.

— Да, так будет точнее.

Я внесла комментарий.

На этом основная часть вопросов закончилась. Дальше обсуждали несколько деталей, связанных с официальными материалами группы. Сиу уточнил, какие тексты будут использоваться на международных площадках, а Соён объяснила порядок согласования.

Я слушала и записывала информацию. Встреча оказалась не такой сложной, как я ожидала. Сиу задавал вопросы, иногда не соглашался с предложениями, но не пытался спорить ради самого спора.

И всё же в его манере общения чувствовалась определённая закрытость.

Он отвечал ровно столько, сколько требовал вопрос, и не стремился поддерживать разговор.

Когда встреча закончилась, госпожа Хан закрыла презентацию.

— Хорошо. Тогда ждём обновлённую версию. Менеджер передаст её Сиу на финальное согласование.

Все начали собирать вещи.

Я закрыла ноутбук и убрала блокнот в сумку. Сиу тем временем что-то уточнял у Ли Чонхёна. Уже у двери он обернулся.

— Ника Орлова?

— Да?

— Вы сами предложили эти изменения?

— Да. Я сравнила оригинал с переводом и отметила места, где менялся смысл.

— Понятно.

Он помолчал, словно собирался что-то добавить.

— Только не старайтесь сделать текст красивее, чем он есть.

Я чуть нахмурилась.

— Я старалась сделать его точнее.

Сиу посмотрел на меня, затем коротко кивнул.

— Тогда хорошо.

И вышел вслед за менеджером.

— Ну что, — произнесла Соён, когда дверь закрылась. — Первое знакомство состоялось.

— Кажется, прошло нормально.

— Для Сиу — вполне.

— Он всегда так мало разговаривает?

Соён усмехнулась.

— Зависит от ситуации. На интервью может говорить довольно много, если тема ему интересна. На рабочих встречах предпочитает не тратить время на лишние обсуждения.

— Я заметила.

Мы вернулись в международный отдел.

Я открыла документ и внесла изменения с учётом разговора. Теперь стало понятнее, какие формулировки стоит сохранить, а какие действительно требовали пересмотра.

Через несколько минут Соён подошла к моему столу.

— Как думаешь, получится закончить сегодня?

— Основную часть — да. Но я хочу ещё раз проверить английскую версию целиком. После правок отдельные предложения могут звучать хорошо, а вместе — не очень.

— Согласна. Тогда пришли мне, когда закончишь.

Она вернулась к своему месту, а я продолжила работу.

К концу дня обновлённый профиль был готов. Я перечитала его ещё раз, сверила с оригиналом и отправила Соён.

Она ответила коротко:

«Хорошо. Передам на согласование».

Я закрыла рабочую почту и откинулась на спинку кресла.

Теперь я хотя бы понимала, почему Сиу так внимательно относился к формулировкам. Ему не нравилось, когда за него создавали образ, который не соответствовал тому, кем он себя считал.

В этом не было ничего удивительного.

Я бы тоже не хотела однажды обнаружить, что мои слова перевели так, будто я имела в виду совершенно другое.

Однако его последняя просьба всё ещё немного раздражала.

Не старайтесь сделать текст красивее, чем он есть.

Я и не собиралась.

Мне нужно было, чтобы он был точным. А это, как оказалось, не всегда одно и то же, что нравится человеку, о котором пишут.

Я собрала вещи и попрощалась с коллегами.

На выходе из здания телефон завибрировал. Соён прислала сообщение:

«Спасибо за сегодняшнюю встречу. Хорошая работа».

Я ответила благодарностью и убрала телефон в карман.

Первое знакомство с одним из главных артистов агентства осталось позади. Никаких особенных впечатлений, никаких неожиданностей.

Просто рабочая встреча.

По крайней мере, я собиралась считать именно так.

Глава 4

На четвёртый рабочий день мне поручили интервью.

Не новое — запись сделали несколько недель назад, ещё до моего приезда в Корею. Теперь материал готовили для международных площадок, и перед публикацией требовалось проверить английскую версию.

— Здесь ничего сложного, — сказала Соён, отправляя мне ссылку на папку. — Интервью уже расшифровано и переведено. Нужно сверить текст с оригиналом, проверить формулировки и подготовить окончательную редакцию.

— Кто-нибудь уже работал с переводом?

— Да. Его подготовил внешний подрядчик. Мы получили текст вчера вечером. Посмотришь свежим взглядом.

Я открыла документ.

Интервью было посвящено музыке, работе над композициями и подготовке нового альбома AURORA. Вопросы касались творческого процесса, отношений между участниками группы и того, как артисты справляются с ожиданиями аудитории.

Сиу отвечал довольно подробно. В некоторых местах его речь была непринуждённой, с короткими отступлениями и уточнениями. В английской версии всё выглядело гораздо аккуратнее: предложения были короче, переходы между темами плавнее, а ответы местами напоминали заранее подготовленные заявления.

Сначала я решила, что это обычная редакторская обработка.

Но уже на третьем вопросе остановилась.

Корейский оригинал:

«Я не думаю, что каждая песня обязана объяснять слушателю, что именно он должен чувствовать. Иногда мне интереснее оставить пространство, чтобы человек сам нашёл в ней что-то своё».

В английском переводе стояло:

«Я хочу, чтобы каждая песня передавала определённую эмоцию и помогала слушателям лучше понять мои чувства».

Я перечитала обе версии.

Это был не просто более свободный перевод. Смысл изменился почти полностью.

В оригинале Сиу говорил о свободе интерпретации. В переводе получалось, что он стремится донести до аудитории собственные эмоции и объяснить их.

Я выделила предложение и оставила комментарий.

Дальше обнаружились другие расхождения. В одном ответе фраза о том, что работа над песней иногда требует времени, превратилась в утверждение о стремлении к совершенству. В другом осторожное замечание о командной работе стало звучать как заявление о том, что каждый участник отвечает за определённую часть творческого процесса.

По отдельности изменения казались небольшими. Вместе они создавали совершенно другой образ человека.

Я открыла исходную запись и прослушала несколько фрагментов, чтобы убедиться, что правильно понимаю интонацию и контекст.

Ошибки были не случайными.

Кто-то последовательно сглаживал ответы, превращая живую речь в набор удобных для публикации формулировок.

Я внесла исправления, сохранив разговорный характер интервью, и составила список мест, где редактура слишком далеко отошла от оригинала.

Когда закончила первую часть, отправила документ Соён.

Ответ пришёл через несколько минут.

«Посмотрела комментарии. Хорошо, что заметила. Но некоторые изменения довольно существенные. Давай сначала обсудим их с музыкальным отделом».

Я написала, что согласна, и вернулась к остальным вопросам.

Ближе к полудню Соён подошла к моему столу.

— Есть небольшая проблема.

Я повернулась к ней.

— С интервью?

— Да. Мы отправили предварительную версию менеджеру группы, и он уже передал её Сиу. Он заметил, что некоторые ответы сильно отличаются от того текста, который видел раньше.

— Но это же и есть причина правок.

— Конечно. Только он не знает, что именно мы меняли. Ему прислали твою редакцию без пояснений.

Я посмотрела на экран.

— Тогда я могу подготовить сравнительную таблицу. Там будет видно, что было в оригинале и что изменилось в переводе.

— Хорошая идея. Но, думаю, лучше сразу объяснить ему лично. Сегодня после обеда у музыкального отдела будет короткое совещание по материалам альбома. Я попробую включить тебя в список участников.

— Хорошо.

Соён задержалась возле моего стола.

— Только учти: интервью уже проходило согласование. Не все будут рады узнать, что его придётся пересматривать.

— Если перевод меняет смысл ответов, его всё равно нужно исправить.

— Я с тобой согласна. Но нам важно правильно объяснить причину.

Она ушла, а я открыла новый файл.

Составила таблицу из трёх колонок: корейский оригинал, прежний английский вариант и предлагаемая редакция. Для каждого спорного места добавила короткое пояснение.

В одном случае переводчик не просто изменил формулировку, а убрал оговорку, которая меняла смысл всего ответа. В другом заменил нейтральное выражение на более эмоциональное.

Я старалась не делать выводов о том, почему это произошло. Возможно, переводчик пытался сделать интервью привлекательнее для зарубежной аудитории. Возможно, получил дополнительные рекомендации от редакторов.

Но результат оставался тем же.

Читатель должен был получить слова Сиу, а не чьё-то представление о том, какими эти слова должны быть.

Совещание проходило в небольшой переговорной рядом с музыкальным отделом.

Кроме Соён, там находились госпожа Хан и Ли Чонхён. Сиу уже сидел за столом, просматривая распечатанные страницы интервью.

Когда я вошла, он поднял голову.

— Здравствуйте.

— Добрый день.

Я заняла место рядом с Соён и положила перед собой ноутбук.

Госпожа Хан начала разговор с общей информации о подготовке материалов к публикации. Затем перешла к интервью.

— Мы получили замечания международного отдела. Ника обнаружила несколько расхождений между оригиналом и английским переводом. Думаю, стоит разобраться, прежде чем отправлять материал дальше.

Сиу положил листы на стол.

— Я уже прочитал новую версию. Не совсем понимаю, зачем некоторые ответы пришлось переписывать.

Я открыла таблицу.

— Я не переписывала ответы. Я исправила места, где перевод отличается от оригинала.

— Например, вот здесь, — он указал на один из абзацев. — В предыдущей версии было написано, что я хочу передать слушателям определённые эмоции. Теперь вы пишете, что я оставляю им пространство для собственной интерпретации. Это не одно и то же.

— Да. Именно поэтому я и внесла исправление.

Он посмотрел на меня.

— То есть вы считаете, что прежний перевод был неправильным?

— В этом месте — да.

— Но он уже был согласован.

Я выдержала небольшую паузу.

— Согласование не делает перевод точным, если он не соответствует оригиналу.

Соён едва заметно повернула ко мне голову. Я понимала, что прозвучало довольно прямолинейно, но отказываться от сказанного не собиралась.

Сиу снова посмотрел на лист.

— Почему вы решили, что я хотел сказать именно это?

— Я не решала за вас. Я сверила корейскую запись с английским текстом. В оригинале вы говорите, что не хотите навязывать слушателю определённое чувство. В переводе получается обратное.

— А если я хотел, чтобы ответ звучал более понятно для иностранной аудитории?

— Тогда мы можем адаптировать формулировку. Но не менять саму мысль.

Он отложил листы.

— Вы всегда так категоричны?

— Только когда вижу, что смысл одного предложения противоречит другому.

На этот раз Сиу ничего не ответил.

Госпожа Хан вмешалась:

— Давайте посмотрим остальные замечания. Если изменения действительно необходимы, мы их внесём.

Я вывела на экран следующий фрагмент.

— Здесь похожая ситуация. В оригинале вы говорите, что не всегда знаете заранее, каким получится окончательный вариант композиции. В английской версии это превратили в заявление о стремлении довести каждую песню до совершенства.

— Это звучит довольно странно, — заметил Ли Чонхён.

— Потому что в оригинале речь не о совершенстве, — пояснила я. — Вы говорите о процессе. О том, что иногда композиция меняется по ходу работы.

Сиу внимательно прочитал перевод.

— Да. Я говорил именно об этом.

Я перешла к следующему пункту.

— Здесь тоже изменён смысл. Фраза о работе с другими участниками группы превратилась в утверждение, что каждый отвечает за отдельную часть композиции. Но в записи вы говорите о совместном обсуждении идей.

Сиу посмотрел на меня.

— Вы прослушали всю запись?

— Да. В нескольких местах без неё было сложно понять контекст.

Он слегка нахмурился.

— Тогда понятно, почему текст так сильно изменился.

— Вы знаете, кто его редактировал?

— Нет. Мне прислали уже готовый вариант.

Соён вмешалась:

— Скорее всего, подрядчик ориентировался на редакционные рекомендации. Мы проверим историю правок и уточним, на каком этапе появились эти изменения.

— Хорошо, — ответил Сиу. — Но я не хочу публиковать интервью, в котором мои ответы звучат так, будто их написал кто-то другой.

— Мы подготовим новую версию, — сказала госпожа Хан.

Я сохранила таблицу.

— Я отправлю окончательные варианты после повторной проверки. Все изменения будут отмечены, чтобы их можно было согласовать отдельно.

Сиу кивнул, но, судя по выражению лица, его это не вполне успокоило.

Совещание закончилось через несколько минут.

Когда мы с Соён вышли из переговорной, она некоторое время молчала.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Просто ты довольно уверенно отстояла свои замечания.

— Я была уверена в них.

— Это заметно.

— Я ведь не могла оставить текст, который говорит противоположное тому, что человек сказал на самом деле.

— Не могла, — согласилась она. — И правильно сделала. Но теперь нам придётся проверить, как именно готовили предыдущую версию.

— Это уже не моя часть работы.

— Пока нет. Но если обнаружатся системные проблемы, международному отделу придётся с ними разбираться.

Мы вернулись к своим столам.

Я открыла таблицу и начала готовить окончательную редакцию интервью. Теперь нужно было не просто исправить ошибки, но и убедиться, что все изменения согласованы с оригиналом и не создают новых смысловых расхождений.

Через некоторое время пришло сообщение от Соён:

«Сиу попросил отправить ему итоговую версию напрямую через менеджера. Проследи, чтобы все спорные места были отмечены».

Я ответила, что сделаю.

Работа заняла почти весь остаток дня. Когда я закончила, отправила документ Соён вместе с таблицей изменений.

Она быстро просмотрела файлы.

— Хорошо. Я передам их дальше.

— Надеюсь, на этот раз всё будет нормально.

— Думаю, да. Ты проделала большую работу.

Я закрыла ноутбук и потянулась за сумкой.

В метро я снова вспомнила разговор с Сиу.

Он явно был недоволен тем, что кто-то изменил его ответы без объяснения. И, если честно, я могла его понять.

Но мне не понравилось другое: он сначала решил, что я переписала интервью по собственному усмотрению, хотя я всего лишь исправила чужую работу.

Впрочем, он не обязан был знать, как именно устроен процесс редактуры. Со стороны всё выглядело просто: вчера была одна версия, сегодня появилась другая.

Я достала телефон и проверила почту.

Новое сообщение пришло от Соён.

«Сиу подтвердил, что новая редакция ближе к оригиналу. Спасибо».
Я прочитала его дважды.
Никаких извинений, разумеется, не было. Да я их и не ждала.
Я убрала телефон в карман и посмотрела на отражение в тёмном стекле вагона.
Похоже, работа с AURORA действительно не обещала быть спокойной.

Глава 5

К пятнице я уже начала привыкать к рабочему ритму агентства.

Утро обычно начиналось с почты и списка задач от Соён. Потом шли документы, правки, согласования и короткие обсуждения, которые редко укладывались в отведённые для них пятнадцать минут.

С проектом AURORA я тоже постепенно осваивалась. После истории с интервью стало понятно, что к международным материалам здесь относятся внимательно, хотя путь от первой редакции до публикации порой оказывался довольно длинным.

В тот день Соён прислала мне приглашение на внутренний инструктаж.

«Для сотрудников, работающих с материалами артистов. Встречаемся в переговорной на шестом этаже в десять».

Я открыла письмо и посмотрела список участников. Кроме сотрудников международного отдела, там значились представители менеджмента и отдела продвижения.

— Ты тоже идёшь? — спросила я, когда Соён подошла к моему столу.

— Конечно. Это обязательная встреча для тех, кто будет работать с проектом AURORA.

— Мы ведь уже обсуждали порядок согласования материалов.

— Обсуждали рабочий процесс нашего отдела. Сегодня расскажут о правилах, которые распространяются на всех сотрудников, взаимодействующих с артистами. Некоторые вещи лучше знать заранее.

— Например?

— Например, что нельзя фотографировать в определённых помещениях и пересылать рабочие материалы через личные мессенджеры.

— Это я уже поняла.

— А вот остальные правила ещё предстоит узнать.

Соён улыбнулась и вернулась к своему столу.

В десять мы направились в переговорную.

На экране уже была открыта презентация с логотипом агентства и заголовком «Взаимодействие с артистами и защита информации».

Первым выступал сотрудник административного отдела. Он представился господином Юном и начал с требований к работе с внутренними документами.

Неопубликованные материалы, расписания, личные данные артистов и информация о предстоящих проектах не должны передаваться за пределы компании без разрешения. Для обмена файлами следовало использовать внутреннюю систему. Личные устройства разрешалось применять только в предусмотренных случаях, а публикация фотографий из рабочих помещений без согласования запрещалась.

Я записала несколько пунктов.

Всё это выглядело вполне логично. Впрочем, после нескольких дней работы с материалами нового альбома я уже представляла, сколько информации могло оказаться в чужих руках раньше времени.

Следом слово взяла сотрудница отдела продвижения.

— Отдельно хочу остановиться на публичных коммуникациях. Иногда сотрудники оказываются рядом с артистами вне рабочих помещений: в кафе, магазинах, на мероприятиях. Даже если встреча происходит случайно, это не даёт права публиковать фотографии или рассказывать о личных разговорах.

На экране появился следующий слайд.

Личная информация не является частью рабочего контента.

— Мы стараемся не ограничивать сотрудников в обычной жизни, — продолжила она. — Но важно помнить, что информация, которая кажется безобидной, может повлиять на безопасность артиста или привлечь нежелательное внимание.

Я вспомнила фотографии, которые иногда появлялись в сети: случайные снимки у входа в здание, размытые кадры из ресторанов, сообщения о том, где видели того или иного участника группы.

Теперь стало понятнее, почему сотрудники так осторожно относились к подобным вещам.

— Не обсуждайте с посторонними внутренние конфликты, состояние здоровья артистов, их отношения и личные обстоятельства, — добавила женщина. — Даже если вам кажется, что вы не сообщаете ничего важного.

Я подняла глаза от блокнота.

Последний пункт выглядел особенно широким. Впрочем, учитывая количество людей, которые ежедневно пересекались с участниками группы, иначе, вероятно, было нельзя.

Затем перешли к расписанию.

Господин Юн объяснил, что график артистов составляется менеджментом совместно с другими отделами. В него входят репетиции, записи, съёмки, встречи, подготовка к выступлениям и время на отдых.

— Изменения могут происходить в течение дня, — предупредил он. — Поэтому не стоит самостоятельно договариваться с участниками о рабочих встречах или передавать им задачи в обход менеджера. Все рабочие вопросы должны проходить через ответственных сотрудников.

Я записала это отдельно.

Соён наклонилась ко мне и негромко сказала:

— Особенно важно помнить об этом во время подготовки к релизу. Участников постоянно пытаются поймать между репетициями и записями.

Я кивнула.

Инструктаж продолжался. Нам объяснили, как запрашивать комментарии артистов, каким образом передавать им материалы на согласование и кто отвечает за публикацию итоговых версий.

Отдельно подчеркнули, что сотрудник не может обещать артисту сроки или условия, которые не были подтверждены соответствующим отделом.

В конце господин Юн ответил на вопросы.

— А если артист сам просит передать ему какой-нибудь документ напрямую? — спросила я.

— Если речь идёт о рабочем материале, вы можете отправить его через установленный канал. Но менеджер должен быть в курсе, особенно если документ требует согласования.

— Даже если это небольшая правка?

— Вопрос не в объёме правки. Важно, чтобы все участники процесса работали с одной версией документа.

Я записала ответ.

Это объясняло, почему даже короткие тексты проходили через несколько человек.

Когда встреча закончилась, Соён собрала свои вещи.

— Ну как? Не слишком страшно?

— Нет. Хотя я начинаю подозревать, что здесь существует отдельная инструкция буквально на каждый случай жизни.

— Почти угадала.

Мы вышли в коридор.

— Самое сложное не сами правила, — продолжила Соён. — А то, что иногда приходится помнить о них даже тогда, когда рабочий день уже закончился.

— Например?

— Если случайно встретишь участника группы в городе, не нужно подходить с рабочими вопросами, фотографировать его или потом рассказывать коллегам, где именно вы пересеклись. Если он сам захочет поговорить, это его решение.

— Понятно.

— И не воспринимай всё это как недоверие лично к тебе. Правила одинаковые для всех.

— Я и не воспринимаю. Просто теперь понимаю, почему вы так внимательно следите за тем, куда отправляются документы.

— Вот и хорошо.

После инструктажа я вернулась к своему столу и открыла почту.

Там уже лежали новые материалы для международного отдела. На этот раз требовалось проверить несколько коротких текстов для социальных сетей AURORA и описание предстоящего этапа подготовки альбома.

Я начала с первого документа.

Текст был небольшим, но требовал согласования с отделом продвижения. В нём говорилось о том, что группа продолжает работу над новым релизом и скоро поделится дополнительной информацией.

Я поправила несколько формулировок, убрала повтор и отправила документ Соён.

— Сегодня у нас ещё одно дело, — сказала она, подойдя к моему столу. — Нужно подготовить материалы к внутренней съёмке. Пока ничего сложного: короткие подписи, несколько описаний и вопросы для возможных публикаций.

— Для всех участников?

— Да. Но сами съёмки организует другой отдел. Мы отвечаем только за тексты.

Я открыла папку.

Внутри лежали фотографии с предыдущих мероприятий, несколько черновиков подписей и таблица с пометками. Некоторые тексты были написаны от имени всей группы, другие — от лица отдельных участников.

Я начала проверять их по очереди.

В одном из черновиков обнаружилась фраза, которая звучала слишком лично для официальной публикации. Я оставила комментарий и предложила более нейтральный вариант.

— Здесь лучше уточнить у менеджера, — сказала Соён, просмотрев правку. — Не факт, что участник действительно хотел бы так сформулировать.

— Согласна. Я поэтому и не стала менять окончательно.

Она отметила документ и отправила запрос ответственному сотруднику.

Работа шла спокойно, пока в общий чат не пришло сообщение о переносе одной из съёмок.

Я подняла голову.

— Что-то случилось?

— Ничего необычного, — ответила Соён. — Изменилось расписание. Такое бывает.

Через несколько минут к нашему отделу подошёл Ли Чонхён. Он поздоровался с сотрудниками, обменялся несколькими словами с Соён и остановился возле её стола.

— Нам нужно перенести согласование материалов на понедельник. Сегодня у группы изменилось расписание.

— Хорошо. Я обновлю календарь.

— И ещё. Пожалуйста, пока не отправляйте участникам дополнительные вопросы. У них сегодня плотный график.

— Поняла.

Менеджер кивнул и собирался уходить, но Соён окликнула его:

— Чонхён, у нас есть один вопрос по текстам для съёмки. Можешь посмотреть, когда будет возможность?

— Отправь мне через систему. Я передам нужному человеку.

Он попрощался и ушёл.

Я посмотрела на Соён.

— Получается, даже короткий вопрос нельзя задать напрямую?

— Если вопрос рабочий и касается материалов, его можно передать через менеджера. Не стоит только искать участника лично. У него может быть совсем другое расписание.

— Логично.

Соён вернулась к компьютеру.

Я снова открыла документы.

Ближе к обеду я пошла в архив за распечатками. По дороге заметила возле лифтов нескольких сотрудников. Они стояли чуть в стороне от прохода, разговаривали негромко и время от времени поглядывали на двери.

Через минуту лифт открылся.

Из него вышли двое участников AURORA и менеджер. Один из парней что-то рассказывал, второй слушал, опустив голову к телефону. Они прошли по коридору, не задерживаясь.

Сотрудники у лифта расступились, пропуская их.

Я уже видела Сиу на согласованиях, но остальных участников пока знала только по фотографиям и рабочим материалам. Сейчас они выглядели совсем не так, как на официальных снимках: без привычных сценических образов, с усталыми лицами и мыслями, явно занятыми чем-то своим.

Никто не бросился за автографом, не достал телефон, не стал громко приветствовать артистов.

Один из сотрудников придержал дверь в соседнее помещение, освобождая проход.

Всё выглядело привычным и отработанным.

Я забрала распечатки и вернулась в отдел.

— Уже пересеклась с другими участниками? — спросила Соён, заметив меня у двери.

— Видела двоих у лифта.

— Скорее всего, они шли на репетицию.

— Здесь всегда так организовано?

— Когда у группы плотный график, да. Не потому, что они не могут самостоятельно пройти по коридору. Просто лишнее внимание мешает и им, и сотрудникам.

— Понимаю.

Соён на секунду задумалась.

— Кстати, скоро у тебя будет возможность увидеть, как проходит подготовка к альбому. Международный отдел подключат к одному из общих совещаний.

— Хорошо. Будет полезно понимать, на каком этапе мы получаем материалы.

— Именно.

Я положила распечатки на стол и вернулась к работе.

После обеда мне передали обновлённый график публикаций.

Я открыла таблицу и начала проверять даты. В нескольких строках стояли пометки о предварительном согласовании, в других — ожидание подтверждения от менеджмента.

Одна публикация была перенесена на неопределённый срок.

Я написала Соён, уточняя, нужно ли оставить её в текущем плане.

Ответ пришёл быстро:

«Пока оставь. Сроки могут измениться после утверждения общего расписания».

Я исправила таблицу и сохранила документ.

К концу рабочего дня стало ясно, что большинство правил, о которых нам рассказывали утром, были не формальностью. Они действительно определяли повседневную работу агентства.

Для меня это означало дополнительные согласования, аккуратность с документами и необходимость учитывать чужое расписание.

Для артистов — жизнь, в которой даже обычные решения часто зависели от нескольких человек.

Я не могла сказать, что такая система мне нравилась. Но и делать выводы после нескольких дней работы было бы преждевременно.

Вечером, когда я уже собиралась уходить, Соён задержалась возле моего стола.

— Ника, можешь на минуту задержаться?

Я закрыла ноутбук.

— Конечно.

— На следующей неделе у нас будет общее совещание по международным материалам нового альбома. Тебе нужно будет присутствовать.

— Хорошо. Что-то подготовить заранее?

— Пока нет. Просто ознакомься с текущим графиком. Возможно, появятся вопросы к музыкальному отделу.

— Поняла.

Соён посмотрела на экран своего телефона.

— И ещё. Если увидишь кого-то из участников за пределами рабочих помещений, не забывай сегодняшние правила.

— Не забуду.

— Отлично. Хороших выходных.

— И тебе.

Я вышла из здания и остановилась у входа, чтобы застегнуть пальто.

На улице было прохладнее, чем утром. Люди спешили к метро, возле кафе собирались небольшие компании, а на перекрёстке загорелся зелёный сигнал.

Я достала телефон.

Мама прислала сообщение:

«Как прошла неделя? Уже привыкла к новой работе?»

Я улыбнулась и набрала ответ:

«Понемногу. Работы много, но мне нравится. Сегодня рассказывали правила агентства. Оказывается, у артистов всё гораздо сложнее, чем кажется со стороны».

Мама ответила почти сразу:

«Главное, чтобы тебе самой там было комфортно».

Я убрала телефон.

Наверное, именно об этом я и думала вес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.